

А. Лаврин

Горький (псевдоним; настоящая фамилия Пешков) Алексей Максимович

(1868–1936) — русский писатель

Смерть Горького уже несколько десятилетий является предметом споров и домыслов. Начало этому было положено вскоре после кончины писателя, когда лечивших его врачей Д. Плетнева, Л. Левина, И. Казакова обвинили в том, что они отравили флагмана пролетарской литературы шоколадными конфетами с ядовитой начинкой. «Я признаю себя виновным в том, – показал на процессе Левин, – что я употреблял лечение, противоположное характеру болезни... Я причинил преждевременную смерть Максиму Горькому и Куйбышеву».

Нечто подобное говорили и другие врачи, которым инкриминировалось не только уийство писателя». Впрочем, все по порядку.

В мае 1936 года Горький серьезно заболел. 27 числа он вернулся из Тессели в Москву и на другой день отправился к себе па дачу в Горки. По дороге машина заехала на Новодевичье кладбище — Горький хотел навестить могилу своего сына Максима. День был холодный, ветреный. А вечером, как вспоминает медсестра О. Черткова, Горькому стало не по себе. Поднялась температура, появились слабость, недомогание...

Болезнь развивалась стремительно. Очевидцы отмечают, что уже 8 июня Горький находился на пороге смерти.

Е. Пешкова: «Состояние Алексея Максимовича настолько ухудшилось, что врачи предупредили нас, что близкий конец его неизбежен и дальнейшее их вмешательство бесполезно. Предложили нам войти для последнего прощания...»

Алексей Максимович сидит в кресле, глаза его закрыты, голова поникла, руки беспомощно лежат на коленях.

Дыхание прерывистое, пульс неровный. Лицо, уши и пальцы рук посинели. Через некоторое время началась икота, беспокойные движения руками, которыми он точно отодвигал что-то, снимал что-то с лица.

Один за другим тихонько вышли из спальни врачи.

Около Алексея Максимовича остались только близкие: я, Надежда Алексеевна¹, Мария Игнатьевна Будберг (секретарь² Алексея Максимовича в Сорренто), Липа (О. Черткова – медсестра и друг семьи), П. Крючков — его секретарь, И. Ракицкий — художник, ряд лет живший в семье Алексея Максимовича...

После продолжительной паузы Алексей Максимович открыл глаза.

Выражение их было отсутствующим и далеким. Точно просыпаясь, он медленно обвел всех нас взглядом, подолгу останавливаясь на каждом из нас, и с трудом, глухо, раздельно, каким-то странно-чужим голосом произнес:

— Я был так далеко, откуда так трудно возвращаться...»

Рассказ, записанный со слов М. И. Будберг, за исключением нескольких моментов, подтверждает сказанное выше: «8 июня доктора объявили, что ничего сделать больше не могут. Г[орький] умирает... В комнате собрались близкие... Г[орького] посадили в кресло. Он обнял М[арию] И[гнатьевну] и сказал: “Я всю жизнь думал, как бы мне изукрасить этот момент. Удалось ли мне это?” — “Удалось”, – ответила М[ария] И[гнатьевна]. – “Ну и хорошо!” Он трудно дышал, редко говорил, но глаза оставались ясные. Обвел всех присутствующих и сказал: “Как хорошо, что только близкие (нет чужих)”. Посмотрел в окно — день был серенький – и сказал М[арии] И[гнатьевне]:

¹ Н.А. Пешкова, невестка Горького — жена его сына Максима; в семье ее звали Тимоша.

² А также и любовница, по свидетельству Н. Берберовой. Предполагают, что М.И. Будберг была одновременно агентом ГПУ и «Интеллидженс сервис».

“А как-то скучно”. Опять молчание. К.П.¹ спросила: “Алексей, скажи, чего ты хочешь?” Молчание. Она повторила вопрос. После паузы Горький сказал: “Я уже далеко от вас и мне трудно возвращаться”. Руки и уши его почернели. Умирал. И, умирая, слабо двигал рукой, как прощаются при расставании».

И тут вдруг произошло чудо, о котором пишут все очевидцы. Позвонили и сказали, что навестить Горького едут Сталин, Молотов и Ворошилов. И Горький ожил! Совсем как в средневековых легендах, когда прикосновение или взгляд исцеляли недужных. Правда, здесь «чуду» способствовала лошадиная доза камфоры, впрыснутая Горькому для поддержки сил и достойной встречи с вождем. И писатель ободрился настолько, что заговорил с прибывшим руководителем СССР о женщинах-писательницах, о французской литературе.

— О деле поговорим, когда вы поправитесь, – перебил его Сталин.

— Ведь столько работы... – продолжал Горький.

— Вот видите, – Сталин укоризненно покачал головой, – работы много, а вы вздумали болеть, поправляйтесь скорее! – И после паузы спросил: — А может быть, в доме найдется вино? Мы бы выпили за ваше здоровье по стаканчику...

Вино, разумеется, нашлось.

Горький только пригубил его. То ли визит Сталина вдохнул в него силы, то ли у организма были исчерпаны еще не все ресурсы, но писатель прожил после этого еще 10 дней.

В рассказе о смерти Горького очевидцы также сходятся в главных деталях. П. Крючков говорит, что Горький врачам не верил, Знал, что умирает. После 8-го сказал про врачей: «Однако они меня обманули». Был уверен с первого дня, что у него не грипп (как ему говорили), а воспаление легких. «Врачи ошибаются. Я по мокроте вижу, что воспаление легких. Надо в этом деле самому разобраться» После 8-го изо дня в день менялась картина.

Периоды улучшения сменялись новыми и новыми припадками. Жил только кислородом (150 подушек кислорода). О смерти говорил Тимоше: «Умирать надо весной, когда все зелено и весело». Говорил Липе: «Надо сделать так, чтобы умирать весело». Верил только Сперанскому². Когда количество врачей увеличилось, говорил: «Должно быть, дело плохо — врачей прибыло...» 10-го приезжал ночью Сталин и др. (Во второй раз!) Их не пустили. Оставили записку. Смысл ее таков: «Приезжали проведать, но ваши “эскулапы” не пустили»... Сталин и К^о приезжали еще 12-го. Алексей] Максимович] опять говорил, как здоровый, о положении франц[узских] крестьян.

Все время был в своей спальне. Сидел на кровати, а не лежал. Иногда его приподнимали. Однажды он сказал: «Точно вознесение!» (когда его приподняли за руки).

Впрыскивания были болезненны, но он не жаловался. Только в один из последних дней сказал чуть слышно: «Отпустите меня» (умереть). И второй раз — когда уже не мог говорить — показывал рукой на потолок и двери, как бы желая вырваться из комнаты.

Рассказ П. Крюčkова дополняет О. Черткова:

«Однажды ночью он проснулся и говорит: “А знаешь, я сейчас спорил с Господом Богом. Ух, как спорил. Хочешь расскажу?” А мне неловко было его расспрашивать...

16-го [июня] мне сказали доктора, что начался отек легких. Я приложила ухо к его груди послушать — правда ли? Вдруг как он обнимет меня крепко, как здоровый, и поцеловал. Так мы с ним и простились. Больше он в сознание не приходил. Последнюю ночь была сильная гроза. У него началась агония. Собрались все близкие. Все время давали ему кислород. За ночь дали 300 мешков с кислородом, передавали конвейером прямо с грузовика, по лестнице, в спальню. Умер в 11 часов. Умер тихо. Только задыхался. Вскрытие производили в спальне, вот на этом столе. Приглашали меня. Я не пошла.

¹ Е. П. Пешкова.

² Один из лечивших Горького врачей.

Чтобы я пошла смотреть, как его будут потрошить? Оказалось, что у него плевра приросла, как корсет. И, когда ее отдирали, она ломалась, до того обызвестковалась. Недаром, когда его бывало брала за бока, он говорил: “Не тронь, мне больно!”».

П. Крючков, присутствовавший при вскрытии, тоже говорит о том, что «состояние легких оказалось ужасное. Оба легких почти целиком «закостенели», равно как и бронхи. Чем жил и как дышал — непонятно. Доктора даже обрадовались, что состояние легких оказалось в таком плохом состоянии. С них снималась ответственность».

Нет, ответственность с них никто не снял. Позднее их все же обвинили — сначала в некомпетентности, а потом в прямом злоумышлении.

В принципе, большинство свидетельств говорит все-таки о том, что Горький умер от воспаления легких. Но нельзя отбрасывать и факты, говорящие в пользу версии об отравлении. Для объективности приведем их тоже.

1. В доме умирающего писателя зачем-то ошивался глава ГПУ. О. Черткова, например, говорит, что когда Сталин посетил Горького, то в столовой увидел Г. Ягоду. «А этот зачем здесь болтается? — якобы спросил Сталин. — Чтобы его здесь не было...» Может быть, Сталин боялся, что Ягода, слишком ревностно выполняя указание об отравлении, даст повод для нежелательных слухов.

2. Несмотря на плохие легкие, Горький был физически очень вынослив. В. Ходасевич, одно время близко знавший Горького и отмечавший, что «была связь между его последней болезнью и туберкулезным процессом, который у него обнаружился в молодости», далее писал: «Но этот процесс был залечен лет сорок тому назад, и если напоминал о себе кашлем, бронхитами и плевритами, то все же не в такой степени, как об этом постоянно писали и как думала публика. В общем он был бодр, крепок — недаром и прожил до шестидесяти восьми лет». А П. Крючков свидетельствует, что у Горького было прекрасное сердце, которое на протяжении минуты выдерживало скачки от 60 до 160 ударов.

3. И Г. Ягода, и врачи, лечившие Горького, были уничтожены — возможно, как нежелательные свидетели. (Ягода, конечно, был уничтожен и в связи с другими «скользкими» делами.)

4. Сразу после смерти тело Горького было врачами «распотрошено». По рассказу П. Крюčkова, когда он вошел в комнату, то увидел распластанное, окровавленное тело, в котором копошились врачи. Потом стали *мыть внутренности*. Зашили разрез кое-как простой бечевкой... Мозг положили в ведро, чтобы доставить в Институт мозга. У П. Крюčkова осталось убеждение: если бы Горького не лечили, а оставили в покое, он, может быть, и выздоровел бы.

5. Советское правительство (то есть фактически Сталин) решило кремировать Горького. Е. Пешковой, которая просила Сталина выделить ей хотя бы частичку пепла для захоронения в одной могиле с сыном писателя Максимом, было в этом отказано — и отказано не через кого-нибудь, а через Ягоду.

6. На судебном процессе Ягоды, арестованного в апреле 1937 года, его секретарь Буланов показал, что Ягода имел особый шкаф ядов, откуда по мере надобности извлекал драгоценные флаконы и передавал их своим агентам с соответствующими инструкциями. Л. Троцкий пишет, что «в отношении ядов начальник ГПУ, кстати сказать, бывший фармацевт, проявлял исключительный интерес. В его распоряжении состояло несколько токсикологов, для которых он воздвиг особую лабораторию, причем средства на нее отпускались неограниченно и без контроля. Нельзя, разумеется, ни на минуту допустить, чтоб Ягода соорудил такое предприятие для своих личных потребностей. Нет, и в этом случае он выполнял официальную функцию. В качестве отравителя он был, как и старуха Локуста при дворе Нерона, *instrumentum reghi*¹. Он лишь далеко обогнал свою темную предшественницу в области техники!

¹ Средство исполнения (*лат.*).

Рядом с Ягодой на скамье подсудимых сидели четыре кремлевских врача, обвинявшихся в убийстве Максима Горького и двух советских министров».

Далее Троцкий излагает свои соображения в пользу версии об убийстве. Он не считает, что врачей оклеветали,— по его мнению, они все-таки совершили отравление по приказу Ягоды. Но почему Сталину нужно было убивать «буревестника пролетариата»? Вот как это аргументирует Троцкий: «Максим Горький не был ни заговорщиком, ни политиком. Он был сердобольным стариком, заступником за обиженных, сентиментальным протестантом. Такова была его роль с первых дней октябрьского переворота. В период первой и второй пятилетки голод, недовольство и репрессии достигли высшего предела. Протестовали сановники, протестовала даже жена Сталина Аллилуева. В этой атмосфере Горький представлял серьезную опасность. Он находился в переписке с европейскими писателями, его посещали иностранцы, ему жаловались обиженные, он формировал общественное мнение. Никак нельзя было его заставить молчать. Арестовать его, выслать, тем более расстрелять — было еще менее возможно. Мысль ускорить ликвидацию больного Горького «без пролития крови» через Ягodu должна была представиться при этих условиях хозяину Кремля как единственный выход...

Получив поручение, Ягода обратился к «своим» врачам. Он ничем не рисковал. Отказ был бы, по словам Левина, «нашей гибелью, т. е. гибелью моей и моей семьи».

«От Ягоды спасения нет, Ягода не отступит ни перед чем, он вас вытащит из-под земли».

Почему, однако, авторитетные и заслуженные врачи Кремля не жаловались членам правительства, которых они близко знали как своих пациентов? В списке больных у одного доктора Левина значились 24 высоких сановника, сплошь члены Политбюро и Совета Народных Комиссаров! Разгадка в том, что Левин, как и все в Кремле и вокруг Кремля, отлично знал, чьим агентом является Ягода. Левин подчинился Ягоде, потому что был бессилён сопротивляться Сталину.

О недовольстве Горького, о его попытке вырваться за границу, об отказе Сталина в заграничном паспорте в Москве знали и шушукались. После смерти писателя сразу возникли подозрения, что Сталин слегка помог разрушительной силе природы. Процесс Ягоды имел попутной задачей очистить Сталина от этого подозрения. Отсюда повторные утверждения Ягоды, врачей и других обвиняемых, что Горький был «близким другом Сталина», «доверенным лицом», «сталинцем», полностью одобрял политику «вождя», говорил с «исключительным восторгом» о роли Сталина. Если б это было правдой хоть наполовину, Ягода никогда не решился бы взять на себя умерщвление Горького и еще менее посмел бы доверить подобный план кремлевскому врачу, который мог уничтожить его простым телефонным звонком к Сталину».

И все-таки, несмотря на многие внешне убедительные аргументы, версия об отравлении Горького представляется маловероятной. Ведь последние годы Горький действительно полностью принял сталинскую политику — в том числе и политику репрессий. Вспомним хотя бы посещение им лагеря на Соловках и участие в путешествии по Беломорканалу. Вспомним его знаменитую крылатую фразу: «Если враг не сдается, его уничтожают». И в «исключительный восторг» Горький приходил очень часто по поводу явлений куда менее значительных, чем «гений всех народов». А зачем, спрашивается, Сталину нужно было трижды (sic!) в течение недели навещать больного писателя, если он уже отдал приказ о его уничтожении? Или это пример изощренного, садистского развлечения? Сплошные вопросы.

В самый патетический момент история, как всегда, надевает непроницаемую маску. Подлинное выражение ее лица мы должны угадывать интуитивно.